

Война камней

Поклонение жестоким идолищам прошлого — очевидная архаика. Она была бы смешной, если бы не была страшной

Фото: Екатерина Матюшина / Коммерсантъ

11:05, 28 августа 2025,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

Фото: Екатерина Матюшина / Коммерсантъ

Надгробия и памятники на кладбищах — всегда соревнование честолюбий: у кого круче покойник, у кого больше денег, переплавленных иной раз в ростовое изображение ушедшего. Как будто и после смерти нужно мериться значимостью покойного, раздувать и расчесывать «эго» наследников, а не вспоминать, просто вспоминать умершего.

Учебно-дидактические тотемы

Так же и с государственной монументальной пропагандой. Она должна быть быстрее, выше, сильнее. Если Иван Грозный в

Вологде, то девятиметровый. Чтобы все видели: мы утверждаем в стране опричнину. Главное, что царь — Грозный, и мы тогда — грозные, пусть нас все боятся. И глаза у нас такие страшные — как на картине Репина «Иван Грозный и его сын Иван». Да, скифы мы...

Это памятник-истерика власти. Он же относится к разряду памятников-единых учебников. Среди учебно-дидактических изваяний — монумент князю Владимиру (если на место его головы поставить верхнюю часть Дзержинского, никто не заметит потери бойца), памятник Жданову в Мариуполе, горельеф с подношением Сталину цветов на станции «Таганская». Надменные, злобные, величественные. «Отлитые в граните». Так не похожие на добрые памятники-игрушки — как Юрию Никулину у старого московского цирка.

Страшных людей следует «отливать в граните» в назидание потомкам, в качестве утверждения величия, мессианства, исключительности. Но почему всегда жестоким, вероломным, маниакальным персонажам достаются мемориальные идолища?

Почему столь редко попадают памятники фигурам менее кровавым, сделавшим что-то доброе? Они, эти памятники, тогда бывают гораздо более талантливymi, как, например, надгробие Никите Хрущеву Эрнста Неизвестного при участии Бориса Жутовского: со смыслом и эмоцией, с внятным посланием — вот был лидер, дела его — черно-белые. Важно, что были белые, вот в чем его исключительность в отечественной истории.

Монументальные месседжи власти — суровые и прямолинейные. Торжественные, как почетный караул из

пионеров. Бесталанные, как и сами памятники. Потому что народ надо держать в узде и строгости, на хлебе и воде унылой государственной эстетики. А поклонение таким идолищам — это и есть готовность людей подчиняться тем, кто говорит: «Я знаю, как надо». Цели монументальной пропаганды достигнуты, хотя иной раз бездарность монумента оборачивается каким-нибудь неприличным народным названием.

«В застенках безумного режима...»

Живое чувство по поводу мертвых заменятся суровой дидактической монументализацией. Но бывают и попытки лирики, как в идее Вечного огня. Он — традиционная, торжественная, адаптированная под ритуалы поминовения, форма мемориализации жертв войн и геноцидов. Память о великой войне не случайно была зафиксирована в Вечном огне после прихода к власти Леонида Брежнева — это было то, что подкрепляло его легитимность как вождя (ветеран и победитель), то, что было единственным безукоризненным клеем нации, поважнее марксизма-ленинизма.

Однако Вечный огонь — они, власти, сами того не понимали — напоминание о безразличии военачальников к солдатам, готовности «тратить» их так, что они в результате остаются неизвестными. А надо бы, чтобы становились известными, с именем и фамилией. Это в некотором смысле памятник самооправданию жестокой и равнодушной власти.

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

Когда мемориал в Александровском саду только строился, Александр Твардовский записал в своем дневнике горькие мысли (5 декабря 1966-го): «...Неоспоримо, священно право павших в войне за родину на память... Правда, и в этом во всем немалая примесь «воспитательной политики», государственного соображения по руководству настроениями «масс»... вроде организованной на днях могилы неизвестного солдата — не дай бог ему оказаться... солдатом известным — лишние хлопоты, подобно тому, как совершенно некстати 5 или 6 из 28 [панфиловцев] оказались живыми».

Твардовский пишет о крушении мифов, которые не было принято ставить под сомнение — возникал скандал. Но в результате миф и заменял действительность и в нетронutom виде перетекал из одной эпохи в другую. Пережив даже эру возвращения правды в конце 1980-х — начале 1990-х. Запись

Твардовский сделал тогда, когда военная цензура не пропускала в «Новом мире» дневники Константина Симонова 1941 года; когда под ударом оказался автор журнала Александр Некрич со своей честной книгой о начале войны; когда Александр Трифонович прочитал рукопись «Детей Арбата» Анатолия Рыбакова и понял, что не пробьет роман через цензурные и пропагандистские органы.

И дальше он пишет: «Но как быть с памятью тех, что были лишены возможности заслужить ее знаки, общенародное внимание к ней?... ни одна армия в мире никогда ни в какой войне не имела таких потерь в комсоставе, какие понесла наша армия накануне войны и отчасти после войны. Как быть с этой памятью... Такой же памяти, как эти последние, заслуживают, несомненно, и те, что погибли в канун войны и во время войны не на войне, а в тюрьмах и лагерях, в застенках безумного режима...»

«В застенках безумного режима» — вот простая и исчерпывающая характеристика сталинизма. А брежневский режим был моделью баланса: с одной стороны, с другой стороны. С одной стороны, Сталина не реабилитировали (в 1979-м была дискуссия среди первых лиц, как отмечать столетие — тогда считалось, что он родился в 1879-м, — без статьи в «Правде», со статьей в «Правде», а если со статьей, то что писать, — написали невнятицу); с другой, в официозных кино и литературе он появлялся отнюдь не в устрашающем образе, успешно стал знаменем тех, кто давил в стране любую фронду и просто проявления человечности. А в июне 1970-го поставили памятник над могилой Сталина у кремлевской стены. Той самой, куда его еще сравнительно недавно тайно, ночью, выносили из мавзолея. Памятник для своих, в сторонке, но и с напоминанием — дело его живет и заслуживает уважения. А тело источает ядовитую радиацию — сквозь надгробную плиту, сквозь каменный памятник.

Холодное пламя

Семантика камня. Война камней. Каменный Сталин у Кремлевской стены скульптора Николая Томского, набившего руку на многочисленных лениных, кировых и сталиных, против Соловецкого камня, который режет глаз яростным сторонникам режима. Камень — едва ли не последнее, что осталось у его противников: все понимают «избирательное сродство» двух персонажей политической истории — прежнего и сегодняшнего лидеров.

Камень был поставлен у Бабьего Яра — с обещанием возвести памятник трагедии еврейского народа. Точнее, как тогда полагалось определять, граждан Советского Союза — без учета национальности. Но хотя бы какой-то. Произошло это после скорбного собрания, которое переросло в митинг в сентябре 1966-го, на котором выступили Виктор Некрасов, отчаянный борец за память о жертвах Бабьего Яра, и Иван Дзюба, потом заклеенный как украинский националист.

Фото: Екатерина Матюшина / Коммерсантъ

У Некрасова, участника и бытописателя Сталинградской битвы, были непростые отношения с памятниками. Он пребывал в ужасе от пафосного проекта мемориала в Волгограде, но кто же его слушал — брежневской системе нужно было утопить все мелкие чувства и горести в каменном мегаломаническом величии, замести под ковер человеческие кости, которые годами лежали в бывших окопах, и никого это не волновало. И Виктор Платонович принял этот мемориал как место памяти, посетил и Вечный огонь, и мемориальную плиту генералу Батюку. Однажды сел под Родinou-матерью выпивать в память павших с однополчанином и был пристыжен милиционером. Которому, впрочем, рассказали, что под левой рукой монумента у этого мужика с усиками был их блиндаж, и не пойти ли ему, стражу порядка, отсюда. Устыдился и пошел... Прошло несколько лет. И в соответствии с приказом Главлита книги Некрасова, в том числе «В окопах Сталинграда», были изъяты из

библиотек...

Словом,

если некуда прийти скорбеть, остается использовать монументы, поставленные властями.

По примеру Виктора Платоновича Некрасова.

Но скорбеть совершенно невозможно в Парке Победы. Это новая модель мемориализации. Никакой горечи, никакой трагедии, только обидчивый и заносчивый триумфализм, опошляющий историческую память, которая еще теплится, еще ощущается в том же Вечном огне. Он образует хотя бы какую-то связь времен, хотя для новых поколений и для тех во власти, для кого это предмет политических спекуляций, — это давно холодное пламя.

Я возвращаю ваш портрет

«Мои желания скромны. Портреты главы правительства своими размерами не должны превышать почтовую марку. Никаких пыток и казней». С этим фрагментом из Владимира Набокова мне довелось познакомиться лишь несколькими годами позже, после того как я тащил на себе на ноябрьской демонстрации портрет какого-то члена Политбюро на длинной палке. Я бы и в то время, году в 1987-м, эту мысль активно поддержал, ибо дико замерз, чуть ли не до потери сознания, и утомился. Забирали и возвращали мы эти предметы культа в каком-то переулке в полуподвале. Да, никаких портретов, никаких пыток и казней. В том набоковском абзаце содержалось краткое изложение либеральной доктрины, еще там было: «Свобода слова, свобода

мысли, свобода искусства».

Ношение портретов вождей, поклонение им, время от времени (но редко) меняющимся, противоречит человеческой норме, изложенной в этом «традиционном», как писал Набоков, «кредо». Да, это и есть традиционная ценность, настоящая.

Было время, когда я регулярно ходил в Кремль брать интервью у помощника президента по экономике Александра Лившица. У него в кабинете не было портрета Бориса Ельцина — на стене висела фотография отца. В смысле родного папы Александра Яковлевича. Тогда такое было возможно и даже не выглядело фрондерством.

Путин висел на стенах руководящих и не очень руководящих работников сначала один. Потом его стало двое. Потом снова один. Его портреты стали продавать в магазинах наряду с иной государственной патриотической символикой. Он всегда оставался один, *solus rex* (опять же используя набоковские словосочетания), в отличие от лидеров советского времени. Тогда в ход шел «иконостас» — руководство было коллективным: члены Политбюро, кандидаты в члены, секретари ЦК. Все смотрели на граждан страны с первых полос газет, возвышались над серой толпой демонстрантов. Немолодые, сильно заретушированные, словно инопланетяне.

Фото: Николай Киксличко / ТАСС

У Ярослава Гашека в «Бравом солдате Швейке» тайный агент Бретшнейдер пытается выполнить личный план и найти какого-нибудь нарушителя.

ЦИТАТА

«— Здесь прежде висел портрет государя императора, — минуту спустя заговорил он (*Бретшнейдер*. — А. К.). — Как раз на том месте, где теперь зеркало.

— Да, правду говорить изволите, — ответил пан Паливец, — висел. Да только гадили на него мухи, так я его убрал на чердак. Знаете, еще позволит кто-нибудь на этот счет замечание, и может выйти неприятность. На кой черт мне это надо? <...>

— Тогда все в порядке, пан трактирщик, — весело сказал

Бретшнейдер. — Позовите вашу супругу и передайте ей все дела. Вечером за вами приедем.

— Не тревожься, — утешал Паливца Швейк. — Я арестован всего только за государственную измену.

— Но я-то за что? — заныл Паливец. — Ведь я был так осторожен!

Бретшнейдер усмехнулся и сказал с победоносным видом:

— За то, что вы сказали, будто на государя императора гадили мухи. Вам этого государя императора вышибут из головы».

Здесь хорошо показана логика применения репрессивного права. Точнее, ее принципиальное отсутствие, органическая страшная абсурдность. И конечно, портрет руководителя трогать нельзя, в авторитарных режимах это государственная святыня, отнюдь не равная по размерам почтовой марке. Осквернение предмета идолопоклонства карается по (любой) статье.

Идолы приходят и уходят. Иногда восстают из ада, как Сталин. Иной раз не говорят новым поколениям ничего, как истуканы острова Пасхи. Идолопоклонство — свойство архаики или авторитарных и тоталитарных систем, которые, впрочем, по-настоящему архаичны, хотя и приходят в высокотехнологичных одеждах. К национальной памяти, к индивидуальной памяти поклонение идолам не имеет

никакого отношения. Оно имеет отношение к замутнению коллективной памяти, переписыванию истории, расстановке ложных моральных вех, знаков, ориентиров. Идолища, указывающие путь, — аморальны, знамениты своей опустошительной бессмысленной жестокостью. В том мире, который еще остается современным, принимают другие правила — правила свободы. И того самого отказа от «пытток и казней». Но это и правда возможно лишь в том случае, если портрет правителя не превышает размера почтовой марки.

Этот материал вышел в десятом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Культ России и ее капища](#)

Как политическая религия и православизм формируют новый идеологический ландшафт страны — со своими символами, ритуалами и наказаниями

10:51, 28 августа 2025, Александр Солдатов

Магический патриотизм: ритуалы и наказания

Духовность и дискредитация, акты колдовства и вера — зачем государству монументы и священные предметы. И зачем они людям

10:52, 28 августа 2025, Роман Шамолин

Поиграем в города: Брежнев–Войков–Ворошиловград

В честь кого и зачем переименовываются российские города, улицы и площади вчера и сегодня

16:34, 19 июля 2025, Степан Халанский